

18+

Наше оружие – слово

ЛЮБОВЬ,
ВДОХНОВЕНИЕ
И ВЕСНА

Том второй

Сергей Ходосевич
Любовь, вдохновение
и весна. Том второй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345978

ISBN 9785449887412

Аннотация

Пустите в свое сердце волшебство, Пусть там всегда в тепле живёт оно. Пусть вместе с ним поселится мечта И для чудес откроется душа. Танцующая под дождем.

Содержание

Весне-красавице и святой любви посвящается	6
Татиана Бельская \Танцующая под дождем	7
Осенний туман	7
«Дождь»	8
Расскажи мне	10
Сквозь шум дождя»	11
Балет	13
Тихий всплеск	15
Пустите в свое сердце волшебство	17
Гульнара Гуськова	19
Я иду	19
Марат Валеев	21
«Откройте, полиция!..»	21
Трудное слово	23
Комплимент	26
Оптимизация	29
На пароме	32
Оксана Довгунец	37
Мне важно...	37
Простить себя	39
Спасибо	40
Ошибка	42
Ода морю	43

Нина Дикович	45
У весны свои законы	45
До тех пор, пока не стала нормой смерть	46
Когда понимание выше амбиций и страсти	48
Светлана Степчук	50
Время!	50
Валентина Смирнова	52
Телесность	52
Дядя Толя и Новый год	54
Сладкий ноябрь	56
История одной любви	58
Reserved	59
Юлия Кабиокова	61
Вдребезги	61
Сергей Карпеев	63
Смеялась девушка	63
Табуретка	65
Березки	67
Дунь	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Любовь,
вдохновение и весна
Том второй**

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4498-8741-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4977-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весне-красавице и святой любви посвящается

Татiana Бельская

\Танцующая под дождем

Осенний туман

Осенний туман застилает глаза,
Брожу я по городу ночью один.
Я будто ослеп – свистят тормоза,
Мне кто -то кричит, что я полный кретин.

Все мысли мои далеко, там с тобой,
Пытаюсь забыть я твой взгляд навсегда.
Сейчас я не тот, я словно другой,
Как жаль, что тебя не вернуть никогда.

Вот осенний туман весь город накрыл,
Рассвет не принёс ничего кроме боли.
А я дверцу любви случайно открыл,
Теперь на губах на моих привкус соли

«Дождь»

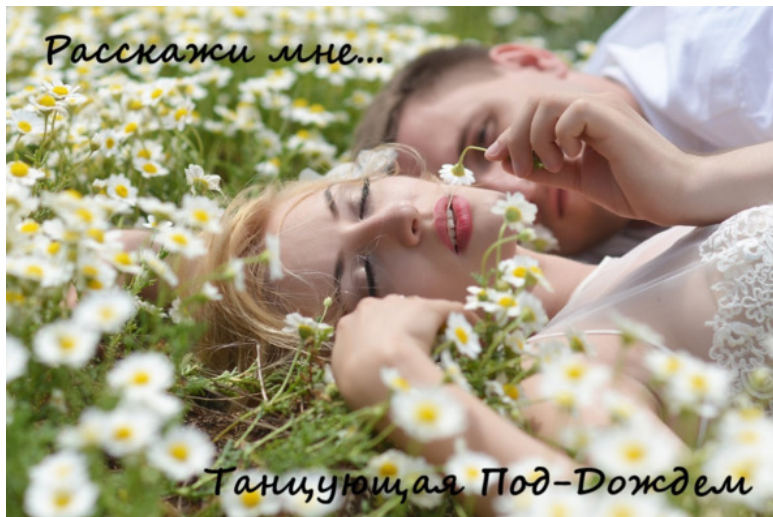
Опять усталый дождь стучит в окно,
Оставив всё, за ним я наблюдаю.
Он мне твердит, что всё прошло давно,
Но я ещё надежды не теряю.

Я жду тебя с рассветом каждый день
И твой любимый кофе наливаю.
А вечер прикоснётся словно тень
Накрою стол и свечи зажигаю.

Смотрю в окно, там дождь идёт с утра
И на стекле следы он оставляет.
А у меня который день хандра,
Мне всё лишь о тебе напоминает.

Я помню, когда были мы с тобой,
То даже в дождь гулять всегда ходили.
Друг с другом говоря наперебой,
Смеялись, целовались и любили...

Расскажи мне

Расскажи мне...

Танцующая Под-Дождем

Расскажи о волшебных и сказочных снах,
Поделись затаённой печалью со мною.
Этой грустью в любимых, родимых глазах,
И той нежной улыбкой – такой дорогою.

Расскажи о наивных девичьих мечтах,
Где невинные мысли порою витали.
О твоих самых первых коротких стихах,
Когда чувства в груди будто бы трепетали.

Расскажи о ромашках, что в нежных руках:
Лепестки в своём танце тебя окружали.
Мне поведай о солнечных, летних лучах,
Что красивую душу твою согревали.

Сквозь шум дождя»

1)

Сквозь шум дождя разносится песня в ночи,
Под плач гитары и блики тающей свечи.
Поёт мальчишка, срываются его слова,
Озябли пальцы, по струнам бьют они едва...

Припев:

И его слёзы смешались с каплями дождя,
Душа рыдает, любви ответной не найдя.
Поёт мальчишка, он не забудет эту ночь,
А фраз обрывки уносит ветер сразу прочь.

2)

Из сердца крик, ведь в первый раз любовь пришла,
И чувства нежные она сожгла сразу до тла,
Поёт мальчишка, ему сегодня не до сна,
Ведь он испил чашу предательства сполна.

Припев:

И его слёзы смешались с каплями дождя,

Душа рыдает, любви ответной не найдя.
Поёт мальчишка, он не забудет эту ночь,
А фраз обрывки уносит ветер сразу прочь.

Балет

Единство музыки и танца —
балет зовёт в свой мир меня.

Я – отражение в искусстве,
во власти яркого огня.

Здесь моя роль и представление:
я превзойду саму себя.

Вдыхаю жизнь в свои движения,
свою грацией слепя.

Все мысли, чувства обострились,
в неволе и свободна я.

И музыка мне подчинилась,
поняв, что здесь игра моя.

Тихий всплеск

Тихий всплеск и лишь шёпот несёт волна,
Но прохладой своей обожжёт она.
Стихнут звуки совсем, пропадут миражи,
Разъедают мне душу раздумья в тиши.

Поцелуй твой застыл на горящих губах,
Я кричу о любви в своих сладких снах.
Ты не смог слёзы скрыть от меня тогда,
Но в душе у меня лишь кусочки льда.

Порван замкнутый круг, я сама не своя,
Всех мечтаний и грёз – вырвалась струя.
От себя, милый друг, мне хотелось сбежать,
Прятать чувства свои от тебя продолжать.

Тихий всплеск и лишь шёпот несёт волна
И от мыслей своих я совсем пьяна.
Ты слезой той, своей, растопил во мне лёд,
Ветер строки любви в даль к тебе унесёт.

Пусти́те в свое сердце волшебство

Пусти́те в свое сердце волшебство,
Пусть там всегда в тепле живёт оно.

Пусть вместе с ним поселится мечта
И для чудес откроется душа.

Вы за спиной раскиньте два крыла.
Взгляните! Полон этот мир добра!
За все простите своего врага,
Друзей не предавайте никогда.

Нас окружают всюду чудеса,
Ведь в нас самих волшебная струна.
Но нам тогда лишь музыка слышна,
Когда поверим мы в самих себя.

Гульнара Гуськова

Я иду

Я иду, поглощая просинь,
Вдоль полей и бесцветных равнин,
Мимо леса из срубленных сосен,
Изолирую день в карантин,

Не спеша, по разбитой бетонке,
Говорю: «Не скули, потерпи,
Где же правда, в какой ждет сторонке?
Что же я, шестеренка в цепи?»

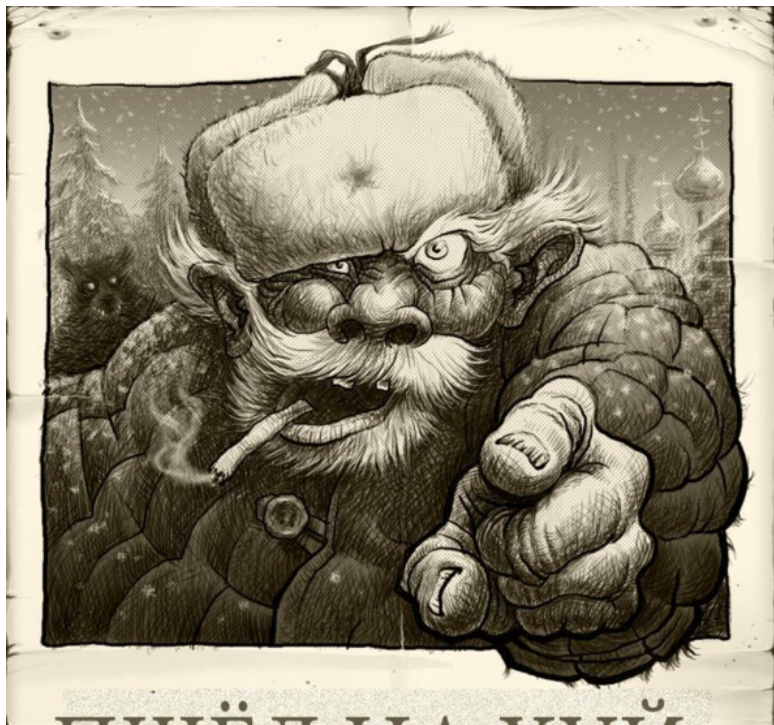
Посчитала кукушка мне годы,
Перепелка мелькнула в траве,
Надоело! Не надо природы!
Непонятная чушь в голове.

Не могу слоняться кругами,
Без конца смотреть на карьер,
Где же жизнь? И что станет с нами?
Кто дал имя мне «легионер»?

Запредельное счастье – при деле,
Далеко, не ухватишь рукой.
Скоро лето, грачи прилетели...
Неуверенность жметя тоской

Марат Валеев

«Откройте, полиция!..»

– Откройте!

– Хтой там?

– Мы из полиции, откройте, говорят вам!

– А-а, недобитки, явились таки! Мало я вас покрошил в войну! Учтите, гады, живым не дамся! Гдей-то у меня тут лимонка заваялась.

– Бежим, товарищ капитан!

– Сбрэндил, сержант! Чего это мы, российская полиция, от какого-то старикана побежим? Пришли брать живущего по этому адресу хулигана Никоненко, значит, возьмем!

– Я вспомнил, что у этого Никоненко дед в юности был геройским партизаном! А для партизана что полицейский, что полицейай один хрен! По рогам – и в кусты!

– Ох, черт, тогда быстренько валим отсюда! И когда ж только народ привыкнет к нам, а?

Трудное слово

Ездил я прошлым летом к себе на родину, в северный Казахстан, заглянул в родную редакцию. Здесь я не был уже много лет. И ничего не узнал. Теперь здесь и редактор был

другой, и корреспонденты иные – пара молодых ребят-казахов, впрочем, исключительно чисто говоривших по-русски (как выяснилось, так же и писавших), и еще несколько сотрудников. Никого из них я, разумеется, не знал. Но все они, включая нового редактора, также как и я окончившего в свое время русское отделение факультета журналистики Казахского госуниверситета, отнеслись ко мне с большим уважением как к ветерану нашей районной «сплетницы» – так издавна любовно звали свою газету местные жители, как казахи, так и русские.

Я уже со всеми перезнакомился, когда пришла еще одна сотрудница, молодая женщина лет тридцати с неуловимо знакомыми чертами миловидного смуглого лица. – Кто это? – спросил я Гену, единственного из оставшихся мне знакомых мне сотрудников. – Это? Дина Бекбатырова, наша завсельхозотделом. Даурена-то помнишь? Так это его дочь!

Еще бы я не помнил Даурена! Он числился у нас корреспондентом-радиоорганизатором – была в свое время при районных газетах такая должность. Даурен брал у корреспондентов уже готовые свежие заметки и статьи, начитывал их на магнитофонную пленку, которая затем транслировалась по местному проводному радио. Работа у него была – не бей лежачего, и Даурен с удовольствием прожигал остатки свободного времени по своему разумению. Но это не мешало ему быть семьянином и растить дочь, хорошенькую метиску с миндалевидными смородиновыми глазками – жена Ольга

у Даурена была русской.

Ольга заведовала районной аптекой. О, сколько раз она терпеливо «вытягивала» своего непутевого муженька из его загулов – ведь в ее распоряжении было несметное количество лекарственных препаратов и средств, с помощью которых она умело погружала ушедшего в очередной аут Даурена в состояние анабиоза, и он через пару-тройку дней просыпался как огурчик и с топотом мчался в редакцию – за очередной порцией наших материалов для своих радиопередач.

Дочу свою Даурен любил и всегда сам отводил ее в садик и забирал оттуда. Он настойчиво учил ее правильной, грамотной русской речи. И пока Дина была маленькой, не все уроки отца ей давались сразу. Иные слова она по-детски забавно коверкала очень долго, чем вызывала у любящего отца не столько озабоченность, сколько умиление. И он просил Дину повторить то или иное слово снова и снова и для удовольствия своих друзей. Подозреваю, что некоторые слова смышленненькая Дина сознательно не выговаривала очень долго – чтобы позабавить отца и тем самым простимулировать его на покупку ей очередной шоколадки.

И вот она стоит передо мной – стройная, смуглолицая и темноглазая красавица с правильными чертами лица, во-бравшего в себя одновременно приметы и отца-казаха и матери-славянки – Здравствуй, Дина, – сказал я. – Не узнаешь меня? – Извините, нет, – внимательно взглядываясь мне в лицо, ответила Дина. – Ну, тогда скажи: бе-ге-мот! – Боже мой,

дядя Марат! – всплеснула руками Дина. – Надо папе позволить, он не знает, что вы здесь.

– Это успеется. И все же, как насчет бегемота? – лукаво прищурился я. Все, кто был в редакции, с любопытством прислушивались к нашему диалогу, пока еще непонятному для большинства. Лишь один Гена Державин закрыл рот ладошкой, скрывая ухмылку: похоже, он вспомнил, какая сейчас последует чума. – Ну, скажи же: бе-ге-мот!

– Так уж и быть, – сдалась Дина, слегка порозовев. – Только из уважения к вам!

И выдала, как тогда, в детстве – по слогам, только более громко и хорошо поставленным голосом: – ГИ-БА-НЁТ!

От дружно грянувшего хохота в редакции задребезжали оконные стекла...

Комплимент

– Витюша, глянь, какая у этой певицы грудь! Не то, что у меня, да? – Ну что ты, пусечка! Твоя куда больше! А у нее этот, как его, силикон, сразу же видно. – Ах, ты мне льстишь, негодник! А видишь, какие большие и глубокие глаза у этой дикторши. Вот мне бы такие, да, милый? – Ну тоже мне, нашла большие глаза! Да я в твои как нырнул месяц назад, так и не выплыву никак! – Ох, дорогой, какой же ты дамский угодник! Не зря говорят, что женщины любят ушами... Кстати, смотри, какие большие уши у этой ведущей! – Ха, разве

это уши! Вот у тебя – уши так уши, настоящие лопу...

...И это были последние слова, которые запомнились Ви-
тюше в тот вечер...

Перитонит

– Ну, как себя чувствуем, больной? – Да вроде ничего, доктор, вот только... – Что там ничего – хорошо! Шов чистенький, температура нормальная. Операция-то пустяковая, подумаешь, язва. Уже и на поправочку идем! – Так-то оно так, доктор. Вот только ощущаю какую-то тяжесть в боку, а еще мне кажется, что у меня что-то внутри тикает. – Как это? – Ну, когда шумно в палате, не слышно. А когда все спят, слышу – тикает. – Да ну, бросьте! Это вы биение сердце за тиканье принимаете... Ну, давайте, я вас для вашего же успокоения послушаю. Хм. А ведь верно – что-то там не то. Ну-ка, на рентген больного...

– Так, сестра, давайте сюда снимок. Какой-то он нечеткий. Хотя... Ну-ка, ну-ка. Да вот же они, мои часы! Я ими очень дорожу, они мне от отца достались, а ему их дед оставил. Как же они попали в брюшную полость этого придур... этого больного? – Артур Генрихович, вы ведь сами жаловались, что браслет на ваших часах от старости постоянно расстегивается. – Да, да... Я их, видимо, забыл снять на время операции, вот они и того. Так, готовьте больного к операции. – А как ему объяснить? – Ну, что-нибудь придумайте. На то вы и старшая операционная сестра.

– Миленький, у меня для вас не совсем хорошая но-

вость. – Что такое? – У вас начался перитонит. А то, что вы принимаете за тиканье – это пульсация крови в воспаленном участке организма. – И что, я умру? – Да ну, что вы! Вскроем вам еще раз брюшную полость, почистим, промоем, заштопаем. Как новенький будете! Ничего не пить, ни есть. С утра – на операцию! Понятно? – Да уж, не тупой.

– Ну, что я говорил? Вот они, родимые! Вечные, я бы сказал, часы. В такой среде – и продолжают работать. Вот мастера раньше были, а? Ну, все шьем... Так, это у кого телефон звонит? Сколько раз говорил – на время операции отключать. – Артур Генрихович, это не у нас! – А тогда у кого? – Похоже, у него. – У кого? У этого? Не может быть! Хотя... Блин, точно! За печень завалился. Это чей телефон, придурки!!! А я сейчас сам узнаю. Алло, слушаю! Игоря Викторовича? Ага, вот чей это мобильник! Нет, это я не вам. Нет его, он в отпуске, позавчера вот проводили. Как проводили? Хорошо проводили! А, так вы его ждете в гости? Ну, не знаю, где он. Ждите, может, объявится. До свидания!.. Ну все, шьем, и потом все ко мне – на разбор полетов.

– А вы зачем сюда, Аркадия Леопольдовна? Чего вам в операционной надо? Сегодня же не ваша смена? – Да я, Артур Генрихович, так, на минутку. Девочки, никто не видел перстенок, с зеленым камушком такой? Когда Игоря проводили, еще был. А потом, после той экстренной операции, как провалился куда... – А ну всем к больному! Добавьте наркоза – вскрываем его снова! А если еще кто-то хотя бы раз

только пикнет про чаепитие на рабочем месте, независимо от повода – я сам вскрою того придурка вот этим вот ланцетом. Без наркоза!

Оптимизация

Директор небольшой издательской фирмы «Пегас» Скоробогатько Петр Бенедиктович тяжело вздохнул и негромко сказал по громкой связи: – Анечка, пригласите-ка ко мне моего заместителя и бухгалтера.

– Хорошо, Петруша... – мелодичным голосом ответила ему секретарша и поперхнулась. – Ой, то есть, Петр Бенедиктович!

Когда приглашенные явились в кабинет к директору, он снова вздохнул и заявил: – Я пригласил вас, Михаил Трофимович и Эльза Ахметовна, чтобы срочно принять меры по оптимизации расходов. Мы на грани банкротства. Ни зарплату нечем платить, ни арендную плату вносить за офис.

Сотрудники молчали и с тревогой смотрели на своего шефа во все глаза. Тот побарабанил пальцами по столешнице и продолжил: – Надо во что бы то ни стало избавиться минимум как от половины сотрудников. А можно и больше. Ваши предложения?

Повисла тягостная пауза. – Ну же, смелее! – поощрительно сказал Скоробогатько.

Заместитель подумал и изрек: – Прокушева надо сбросить

с хвоста в первую очередь! Еще тот бездельник.

Скоробогатько замахал руками: – Ты что, Михаил Трофимович! Его попросили пристроить из самой налоговой! У него там дядя!

Тут в обмен мнениями вступила бухгалтер: – А я, Петр Бенедиктович, предлагаю выставить за дверь офиса Загурдянскую Викторию! Ходит тут, вся из себя! Подумаешь, ноги у нее длинные! Зато мозгов как не было, так нет.

– Ну, Эльза Ахметовна, вы тоже лягнули: Загурдянскую! – разочарованно сказал Скоробогатько. – Забыли, кто у неё муж? Самый большой член областной Думы! Председатель какого-то там комитета! Правда, забыл, какого. Ну, давайте, дальше шевелите мозгами. Кто следующий?

– Анечка, – быстро сказала Эльза Ахметовна. – Эта кандидатура не обсуждается, – досадливо двинул плечом директор. И льстиво добавил: – Анечка, надеюсь, ты слышала?

– Ну, тогда Харченко! – выдвинул следующую кандидатуру на сокращение зам. – Ему все равно на пенсию.

– Нет, Михаил Трофимович, Харченко нельзя. – поморщился Скоробогатько. – А почему? – настырно спросил зам. – Скажи ты ему, Эльза Ахметовна! – попросил директор бухгалтера.

– Харченко – тесть двоюродной сестры второй жены Петра Бенедиктовича! – развела руками Эльза Ахметовна.

– А, ну тогда конечно! – часто закивал головой зам. –

Но вот кого еще предложить под сокращение в таком разе – ума не приложу... Разве что нас с вами?

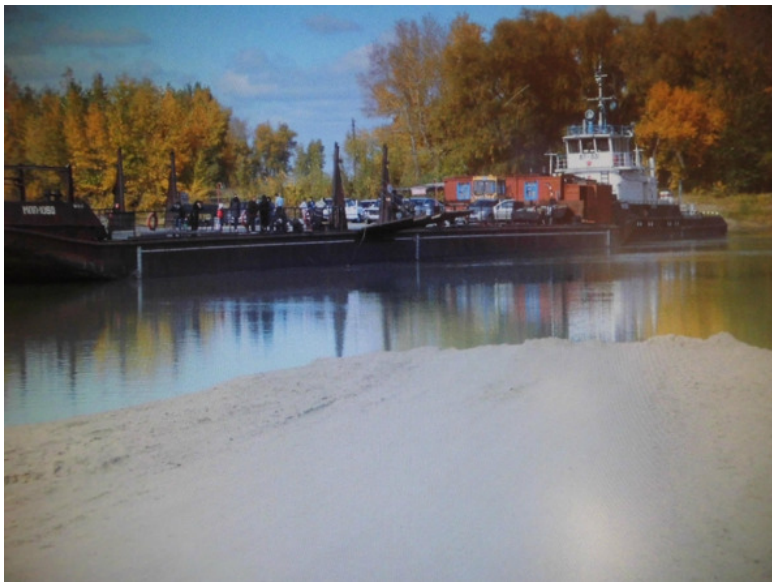
– Хм, а ведь это мысль! – оживился Скоробогатько. – Раз того трогать нельзя, этого... Пусть они тогда все остаются здесь. Вы тоже все завтра остаетесь, но по домам. Деньги у нас на счету еще есть. Есть же, Эльза Ахметовна? Еще не арестовали?

– Пока есть, – подтвердила бухгалтер. – В принципе, на четверых – в самый раз. – Ну вот, я подыщу новый офис, перерегистрирую фирму и приглашу нас всех четверых на новое рабочее место. – с облегчением сказал директор. – Особенно Анечку. Анечка, ты слышала?

– А остальные же как, Петр Бенедиктович? – уже вставая с места, на всякий случай поинтересовалась главный бухгалтер.

– Да откуда я знаю, Эльза Ахметовна? – пожал плечами просветленный директор. – Ну, походят, походят, да и бросят. Посмотрят: директора нет, зарплаты нет. Чего бесплатно-то ходить? Вот и бросят ходить на работу...

На пароме

Паромная переправа у Иртышска (это в Павлодарской области на северо-востоке Казахстана) ... Нет, наверное, ни одного моего односельчанина-пятерыжца, который хотя бы раз не воспользовался услугами парома, в 60-80-е самоходного «СП-6». Потому как переправа располагалась всего в пятке километров от нашего села. А на той стороне – крупный райцентр Иртышск, куда и ездили многие мои земляки

по самым разным надобностям: на Иртышский базар, за покупками, в гости к родственникам, а кто-то там и учился, как я, после своей восьмилетки, в Иртышской СШ №3.

И это было всегда приятное для души путешествие, хоть пешком, хоть на велосипеде или на телеге с родителями – по луговой, живописной такой дороге, вьющейся между благоухающих покосов, озер и ляг, кудрявых зарослей ивняка по берегу Иртыша до самой паромной переправы.

Это когда Иртыш «устаканился» и течет по своему обычному руслу и переправа устраивается почти напротив Иртышска. А в пору высокой воды переправа на какое-то время устраивалась выше по Иртышу, в урочище Чипишка (от слова шипишка, т.е. – шиповник). И тогда к парому ехать надо было верхом, по степной дороге. Но это не так интересно, как по лугу.

Правда, сама переправа на пароме тогда затягивалась чуть ли не на час, и это компенсировало пресность степного подъезда к нему. Парома порой приходилось дожидаться по полчаса и более, пока он набирал на той стороне полную загрузку машин и подвод, да еще и пилил потом по Иртышу, сносимый сильным течением, не меньше времени. И на нашей стороне мог застрять надолго, если не было нужного количества машин.

В общем, довольно муторное это было дело, дожидаться парома – если, конечно, вдруг не подгадываешь к моменту, когда он вот-вот должен был отчалить... Но я все же

не об этом. Паромная переправа в те годы (я имею в виду 60-70-е) – это всегда большое скопление транспорта и людей, желающих как можно скорее перебраться на ту сторону Иртыша. И нередко в месте ожидания парома, и на самом судне случались запоминающиеся приключения.

Однажды я стал свидетелем, как долго скучающая в ожидании парома запряженная в повозку с резиновыми колесами лошадь часто и остервенело отмахивающаяся от назойливых паутов и слепней головой, хвостом и даже копытами, вдруг взбесилась.

Она буквально встала на дыбы и, чудом не выскочив из оглоблей, резко потащила телегу в сторону. Дремавший в передке мужик встрепенулся, но ничего не успел сделать. Телега встала боком, ездок вывалился из нее на землю, встал на карачки, и в таком положении его дважды переехало передним и задним колесами – прямо по спине и пригнутой к земле голове.

Все, кто это видел, ахнули, закричали. Кто-то из зевак успел прыгнуть к взбесившейся лошади и повиснуть у нее на узде. Та еще пару раз скакнула в оглоблях, пытаясь лягнуть невидимого врага и успокоилась, но все еще грызла оскаленными желтыми зубами железные удила. Люди бросились к лежащему калачиком на смятой траве хозяину повозки. Но тот сам завозился, встал и таким громогласным матом обложил все и всех вокруг, что стало понятно: жить будет! Спасло его от увечий, конечно, то, что телега была оснаще-

на колесах на резиновом ходу, а не деревянными колесами, обитыми железными шинами.

А другой, на этот раз забавный случай, произошел уже на самом пароме. Загруженный под завязку машинами, мотоциклами, телегами и людьми, он ходко шел по течению к противоположному берегу с виднеющимися башней элеватора, низкими жилыми строениями с белеющими шиферными и даже глинобитными крышами, а также пришвартованными к пристани несколькими самоходными и прицепными баржами.

В те времена движение на Иртыше было знатное, и паром за каждую свою ходку не раз крикливо приветствовал идущие навстречу или обгоняющие его суда. Я стоял на носу (туда можно бы иногда пробраться и постоять там несколько мину, пока кто-нибудь из экипажа не прогонял тебя) и с удовольствием втягивал в себя влажный свежий воздух, наполненный тонким ароматом цветущих на обеих сторонах Иртыша верб, только что распустившихся клейких листочков тополей, дымком сжигаемых на огородах иртышан картофельной ботвы – дело было в мае.

И тут за моей спиной послышался шум, который не мог перекрыть даже мерный рокот паромного дизеля. Я обернулся. По парому с криками бегали люди, а от них с визгом, шустро ныряя под машины и телеги, убегали двое крупных – ну, килограммов на сорок, наверное, каждый, – чистеньких таких, беленьких поросят.

По-видимому, кто-то вез их продавать на базар. Да не усмотрели за живностью, хрюшки и сиганули из телеги или на чем их там везли. К погоне за юркими «пяточками» подключалось все больше людей, на пароме стояли хохот, крики, ругань, пронзительный поросячий визг. Казалось, вот-вот беглецов схватят и водрузят обратно на повозку.

Но тут случилось невероятное. Сначала один поросенок выбежал на совсем немного приподнятые ручной лебедкой после отчаливания от берега сходни, следом второй. А на них надвигалась целая толпа оживленных, раскрасневшихся преследователей. И поняв, что им больше некуда деваться, оба свинтуса, один за другим... прыгнули за борт парома.

По парому прокатился стон разочарования хозяев свинюшек и жизнерадостный хохот зевак. Я тогда впервые увидел, как свиньи умеют плавать. Наш паром полным ходом продолжал идти к надвигающему Иртышску, а поросята, высунув из воды свои треугольные уши и пяточки, ходко, рассекая воду как две маленькие торпеды, плыли в другую сторону, к своему берегу, откуда их хотели предательски увезти на продажу хозяева...

Оксана Довгунец

Мне важно...

Сквозь стены хожу словно призрак.
Любой лабиринт мне подвластен.
В угоду другим я жертвую жизнью.
Нет, большим! Я жертвую счастьем.

Не понята всеми, к тому уж привыкла.
Иллюзий на этот я счет не держу.
Мне важно теперь чрез взросления циклы,
Себя не теряя пройти к рубежу.

Мне важно теперь баланс удержать
Смиренья и истинной веры,
Хоть крылья слабы, но все же мечтать.
Мне важно узнать свою Мэру.

Простить себя

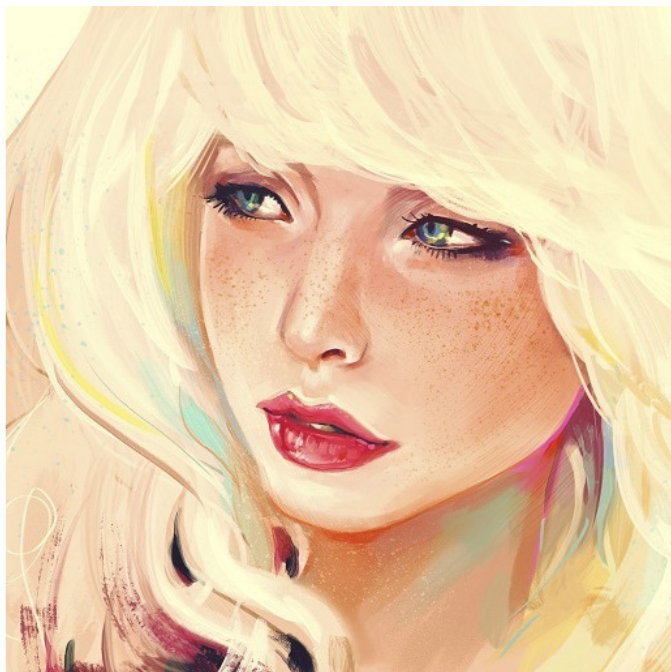

Простить себя – казалось бы, что проще?
Ведь ты любимый у себя один.
Но все ж к себе всегда ты злей и жестче,
А стыд твой самый строгий господин.

О как нелеп ты в слабых оправданиях,
Что от любви лишь унижался так,
Что именно она была молчаньем,
И гордостью довлел потери страх

.Простить себя так трудно и так нужно.
Вперед мешает этот груз идти.
За то, что был в руках чужих игрушкой,
Покайся пред собой и отпусти.

Спасибо

Давай уже не будем
Друг друга ждать, довольно!
Развязан узел судеб...
Да – трудно, но не больно.

Всё помнить и мириться,
Что счастье стало прошлым,
Исписанной страницей,
Мечтой о невозможном.

Что не сберег – простила...
Жить без тебя – мой выбор.
Будь счастлив бывший милый,
За то, что был – спасибо!

Ошибка

В калейдоскопе рваных мыслей,
Который день ты ищешь радость.
Одна из самых важных истин,
Вдруг где-то снова затерялась.

И в лихорадочном ознобе,
Устав от собственных истерик,
Во внешний мир на слабой злобе,
Ты из ловушки ищешь двери.

Вся радость там, в простом и важном,
Лишь меру знай – проста ведь суть!
Отчаянным, пустым, миражным.
Твой оказался этот путь.

И вот на новый ты ступаешь.
Он не проторен – страшно, зыбко.
И боль ушла, лишь понимаешь,
Что избежала ты ошибки.

Ода морю

Сколько песен стихов и баллад
Посвящают тебе все поэты.
Про прибой и прекрасный закат,
Вновь и вновь сочиняют куплеты.

Сколько ты покорило сердец,
Я всего лишь одна из многих.
Там где ты – я вечный юнец,
Неустанно идут к тебе ноги.

С нежным трепетом и восхищеньем,
Каждый раз я на берег ступаю.
Ты религия, ты очищенье!
Море, слышишь, с тобой я живая!

Нина Дикович

У весны свои законы

У весны свои законы
И не нам о них судить.
Облака-небес иконы,
Без которых не прожить.

Не прожить без цвета вишен,
Без сирени кружевной.
Лепестки взлетают выше
И кружатся надо мной.

Просыпается топтыга,
Крот прорыл на волю ход.
И лягушек скачет «иго»,
Ёжик по траве идёт.

А законы пробужденья
Постепенны и легки.
На природы отраженье
Смотрят рыбы из реки.

Смотрит птица сверху вниз,

На земле ледышки тают.
Человечества каприз
Храм природы исполняет

До тех пор, пока не стала нормой смерть

До тех пор, пока не стала нормой смерть,
До тех пор, пока чужое горе гложет,
Изнутри не сможем мы истлеть,
Очерстветь душою мы не сможем.

И пока сочувствуем утрате,
Горю соболезуем людскому
На Земле добра и мира хватит,
Не нарушатся вселенские законы.

Когда понимание выше амбиций и страсти

Когда понимание выше амбиций и страсти,
Когда человеческий долг выправляет душу,
Ты понимаешь: какое на свете счастье,
Жить, говорить, дышать и немного слушать.

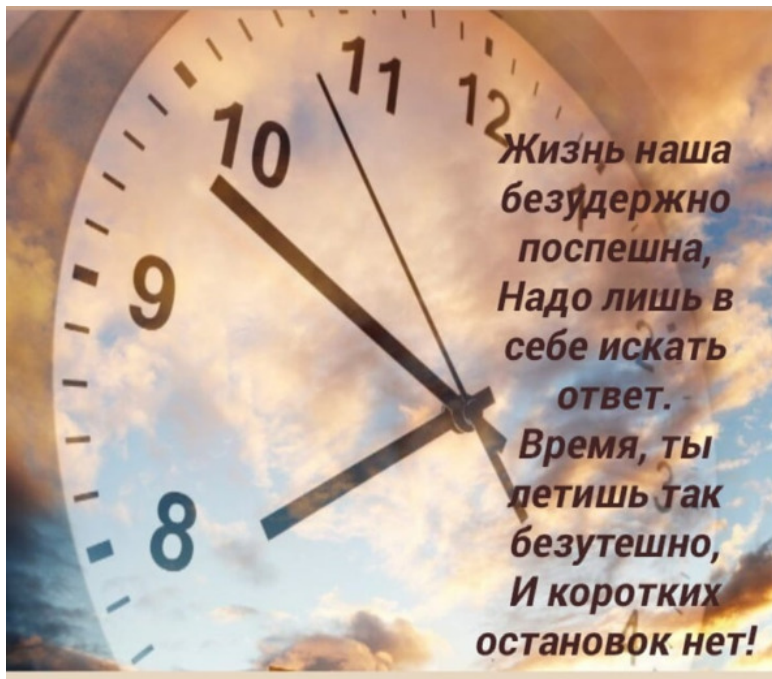
Осознаёшь, как летят облака устало,
Как изумительно скрипнут качели при этом.
Быстрых минут для вселенной, конечно, мало,
Но для тебя-это целая память лета.

Как же удобно окно задевает вишню,
Солнце в него выливается ежедневно.
И поутру, если ты, непутёвый, заспишься,
Соседский петух прокричит свою песню гневно.

Тропки в саду приведут до кустов смороды,
Рядом колодец шумит ключевой водой.
Пока я дышу-наслаждаюсь дарами природы,
Пока я живу, я могу возвратиться домой.

Светлана Степчук

Время!

Время убегает быстротечно,

Кто и для чего мы на земле?
Сами задаем вопрос извечный,
Только лишь ответа нет нигде.

Время улетает словно ветер,
Холод оставляя на душе.
Если долгожданный этот вечер,
Ляжет одиночеством уже.

Время нас меняет неизбежно,
Но не бойтесь говорить «люблю».
Тем, кто так нам дорог бесконечно,
Ведь стоим на грани, на краю.

Время нас не лечит, а считает
Дни, что нам отмерены в судьбе.
И людей хороших посылает,
Чтобы разобрались мы в себе.

Жизнь наша безудержно поспешна,
Надо лишь в себе искать ответ.
Время, ты летишь так безутешно,
И коротких остановок нет!

Валентина Смирнова

Моему С. посвящается

Телесность

Я вдруг обрадовалась быть здесь. Быть в этом мире. У меня есть руки, пальцы, кожа, губы, глаза...

Прикасаюсь к лепесткам розы и чувствую бархатную нежность. Держусь за липкий поручень в автобусе и к горлу подкатывает неприязнь от разогретого засаленного металла. Улыбаюсь. Чувствую, как другие люди касались этого поручня и думали об ужине с семьёй, о собаке или стерве-начальнице. Слушаю жизнь в этом поручне. Ещё крепче хвастаюсь за него – автобус виляет, водитель рычит. Я слышу его уже где-то внутри себя.

Вижу девочку-подростка в автобусе. Она ещё в возрасте, когда девочка – немного мальчик. Она прилипла лбом и ладонью к стеклу. Что она там разглядывает? Мне стало жутко интересно. Вдруг я почувствовала и ее где-то внутри, ее интерес к каждой лавке, магазину, кусту, собаке, машине, которые мы проезжали. Смотрю вслед за ее взглядом и вижу удивительное – мир. Вижу, как прямо сейчас, одновременно с моим дыханием, дышит всё вокруг. Даже асфальт. Он

нагревается, остывает, блестит под дождём. Я встаю на него босиком и слушаю. Как миллионы людей прошли по нему и ещё пройдут.

Ступни. Удивительно, как они работают: иду босиком по камешкам, мне щекотно, немного больно, я смеюсь и чувствую возбуждение. Приятную дрожь внутри.

Это странное тело, которое позволяет чувствовать этот мир. И, Боже, спасибо за него. Спасибо, что я стала телесной. Спасибо, что из вечности хотя бы на мгновение я здесь, узнаю, как это – быть человеком. Быть отдельной материей, которая способна слышать, видеть, обонять, осязать этот мир и быть частью его.

Чувствую, как солнце слепит глаза, как глаза становятся бесполезными в темноте, как от холодного воздуха дрожит тело и ветер скользит по шее.

Чувствую, как ткань воздуха просачивается в лёгкие, перед этим одаривая меня запахами соли, водорослей, сирени, скошенной травы. Мой нос тянется к запаху весенней мокрой земли, отворачивается от грубого потока машинных газов, чьих-то экскрементов, стухшей воды.

Закрываю глаза, внимательно слушаю запах шерсти ко-

тёнка, дождя, и – другого тела. Другого человека. Моя телесность позволяет мне распознать и запомнить запах любимого человека. Моё тело отзывается на этот запах и даже умеет скучать по нему.

Моё тело может уставать, даже – как ни странно – от попыток соединиться с этим миром, прочувствовать его и превратить в слова. Наверное, это хорошо, иначе бы я сошла с ума. Если уже не.

Дядя Толя и Новый год

Есть у меня один знакомый – дядя Толя. Он, правда, не совсем «дядя» и не совсем «Толя». Но ему уж очень идет так.

Приближается Первое января. Дядя Толя мониторит авиарейсы.

У него есть традиция – каждое первое января встречать самолеты или, на худой конец, поезда.

Дядя Толя тщательно выбирает время и страну рейса прибытия. Он любит встречать людей из южных стран и с утра пораньше – просто посмотреть на этих чудиков, что в семь утра первого января в Москву прилетели.

В зале встреч он стоит без бумажки с именем; зорким глазом выбирает самого замученного. Того, кто не торопится, трезвого или грустного.

Дядя Толя вполне себе прилично выглядит, немного по-

мято, но всегда в чистом и аккуратно выбрит. Поэтому его не пугаются, когда он подходит к незнакомцам и предлагает помощь с чемоданом или пакетик мандаринов.

Хотя нет, его не пугаются не поэтому. Вокруг него что-то особенное. Кто-то это называет хорошей энергетикой, кто-то светлой аурой, кто-то – запахом пирожков.

Были, конечно, разные случаи. Некоторые даже посылали. Но дядя Толя не обижался – они просто не готовы. Он шел к следующему рейсу. И там уже встречал готовых. С бледными лицами и тлеющими глазами. Они не пишут судорожно смски и не высматривают бумажки с именами.

В этом году был интересный. Красивый, широкоплечий, в дорогом синем костюме и с чемоданчиком ручной клади. Дядя Толя даже растерялся сначала. Что ему предложить? Незнакомец никуда не спешит, даже за кофе подошёл уже на выходе.

Что ж, к такому только за помощью.

– Извините, а вы не могли бы вызвать мне такси? Телефон сел.

– Да, без проблем. Адрес?

– Вернадского, 64.

Незнакомец поднял на него заинтересованный взгляд. Переспросил, точно ли ему этот адрес и допытывающе на него уставился. Но дядя Толя был готов, напустил свою энерго-ауру, и скептицизм этого уверенного взрослого мужчины ослабил хватку.

– Ну что ж, Вернадского, так Вернадского, вместе поедем, значит. Я там в соседнем доме живу.

Пока ожидали такси, соседи разговорились про общий двор, оказывается, оба встречают по утрам эту чокнутую старушку с мопсом на лавочке.

Они и в машине продолжили бы болтать, но дядя Толя попросился на заднее сиденье, заболела спина. Незнакомец сел на переднее. А там, удивительно, такая Катя, с пухлыми ручками на руле, в восемь утра первого января барыжит таксистом. Это у нее новогоднее развлечение – посмотреть, как люди новогоднюю ночь проводят. За семь часов разъездов по городу – историй на целую жизнь. Незнакомцу как-то неожиданно захотелось слушать и слушать эту Шахерезаду...

Дядя Толя потом с Вернадского в Люберцы на метро чешет. Там хоть и немного заблѣвано, но он всё равно довольный, раздаёт оставшиеся мандарины. Там люди тоже уставшие и довольные, с радостью берут, а кто-то даже стихи читает и желания загадывает.

Сладкий ноябрь

Нет ничего прекраснее влюбляться в любимого человека.
Неоднократно.

Например, каждый ноябрь, чтобы не болеть.

Вот ты любишь, любишь его январь, февраль, март. Он греет тебя, ты знаешь, на какие леденцы у него аллергия, что ему снилось в прошлый четверг и что даже самый мужской бальзам для губ без запаха, цвета, блеска и без бальзама – ни за что.

В апреле и мае всё цветёт, можно бродить по улицам очень долго, фотографировать улочки и ваши ботинки на фоне опавших лепестков. И он знает, какое пиво тебе заказать.

Крылья мягко колышутся за спиной, они не очень-то хотят лететь до седьмого неба, ведь им и здесь под ручку хорошо. Так же лениво прошел июнь, июль. Но уж этот август. Холодный московский август заставляет крылья поежиться.

После месяца разлуки ты вдруг видишь его с лёгким загаром и, прищурив глаз: «Ой, молодой человек, а вы чей такой красавчик, и парфюм-то у вас ого-го». И шаловливая подростковая мечта – дзынь – it's done: незнакомцу вот так сказать, ещё и за попу ущипнуть.

И не важно, что ты знаешь его уже лет сто.

А дальше сентябрь и октябрь – время личностных ростов всяких и начинаний. Крылья вообще в шкафу, потому что кроссы в метро сподручнее.

На Москву, хочешь ты того или нет, однажды, каждый год, всё равно растечётся ноябрь, темный и склизкий.

Но во второе воскресенье около пяти пополудни под пуховиком, толстовкой, водолазкой, майкой и нарощенным жиро-рочком вдруг всколыхнутся всё лето подрыхнувшие бабоч-

ки. И вот ты держишь его за руку, в глаза смотришь, в щёчку целуешь, как будто впервые. И чешуйчатокрылые трепещутся. Мозг иногда включается с мыслью: надо шампунь купить ему тот зелёный с мятой, а то от других у него раздражение и зуд.

А потом снова забываешь. Ноябрь же. Бабочки.

История одной любви

Однажды, лет двадцать назад, родители таскали меня по рынку, я устало топтала картонки у каждого прилавка, а хотелось мне пирожок из кафетерия на выходе – из их окошка так пахло...

Мы искали туфли на первое сентября.

Не помню, нравилось мне выбирать или нет. Наверное, не очень, потому что, как и во всех нормальных семьях, выбирали родители. Давили на пальчик и многозначительным тоном переспрашивали: «Точно нигде не жмёт?» А на твою хлюпающую походку удовлетворённо кивали – ваточку подложим.

А может, и нравилось. Первые туфельки как-никак. Они были черные, золотые клёпки по бокам, на квадратном каблучке, который сейчас, кстати, снова в моде. Прекраснее истории из детства не придумать, если бы не одно «но».

Я была влюблена в другие. Нагло, без памяти, из самой глубины сердца.

С ними я готова была бежать и тайно венчаться где-то в церквушке глухой деревни.

Они были алые. Как леденец на солнце – дерзко-красные и сияющие. С круглым носиком и блестящей пряжкой на ремешке. Даже каблучок и подошва были красные.

Их хотелось облизнуть, так они были привлекательны.

А меня силком выдавали за практичные чёрные. Я ревела и просила маменьку пощадить, ведь это на всю жизнь! С нелюбимыми!

«Стерпится – слюбится». Так и живём.

Но то солнечное августовское утро и те лаковые красные туфельки на пыльном асфальте жили в моём сердце все эти двадцать лет. Даже иногда снились. Они смотрели на меня с разных витрин, но я боялась подойти.

А сегодня...

В общем, у нас запоздавший медовый месяц.

Reserved

...я постоянно прошу: боже, научи любить всех, каждого. научи любить. а потом пугаюсь – как же так, сразу всех? ведь невозможно.

кто-то отрезал – аморально, кто-то смазал – полуаморфно. а я хрен знает, просто странно. я люблю тебя. ты внутри. но так странно – внутри ещё он, она и они. может, я вру? страшно – любить. так разное.

но до судорог сильно. я люблю тебя. ты можешь уйти.
временно или временно-навсегда. но твой столик всегда
«reserved»,

за ним я бесконечно пью траву и выкуриваю слова.
в разных носках. без белья.
там есть ещё столы: два или три, прикроватные или сто-
ловые —

тоже reserved. за ними оборванцы,
собаки, живые и мертвые, и пустые.
я и за ними, тоже жду. босая и в кольцах, в беспуговичном
пальто.

не спрашивай, как.
объясни лучше сам. всего мышца, да с кулак.
как там целый ты — с морями и пропастями, комарами
и птицами и ещё со мной?

и ещё они, со своими столами. а эта нежность?
размерами облаков со всей земли. ты, пилот,
среди них найдешь путь. когда-нибудь прилети,
не то к чертям все столы — стану просить у всевышнего
каблуки.

Юлия Кабиокова

Вдребезги

1. Знаешь, я очень устала,
Устала себя убивать,
Чтобы легче мне стало,
Лишнее нужно убрать.
Знаешь, я точно решила —
Вместе нам больше не быть,
Прошрое с тобою разбила,
Выбросить мусор, забыть.

Припев. Я вдребезги разобью прошлое,
Что когда-то связывало нас,
Там, поверь, ничего хорошего,
Холодно, костёр любви погас.
Выброшу осколки без жалости,
Мне они совсем ни к чему,
Я избавлюсь от чувства усталости,
Жить новой жизнью начну.

2. Знаешь, мы больше не пара,
Ты не мой тайный герой
Из придуманного романа

Следующий за мечтой.

Знаешь, ты разбей тоже

Наше прошлое и просто забудь,

Вместе нам быть невозможно,

Как потухший костёр не раздуть.

Сергей Карпеев

Смеялась девушка

Смеялась девушка, смеялась,
И в никуда тот падал смех
Как будто ночь и свет сменялись
Сменялись просто без помех

Потом случалось звонко пела,
Свободно, чисто и легко
Да просто так сама хотела,
Желанье было велико

Грустила. Но и снова пела,
Свободно, чисто и легко
И песня милая летела
И далеко и высоко

За ней и радость и удача,
За ней и слёзы, может быть
Но всё ж хотелось ей иначе
И сердцем и душой любить

Весь этот мир большой и важный,
Поля, берёзку на юру
Хотелось чтобы в жизни каждый
Промолвил вдруг своё «Люблю»

И чьё-то сердце в миг открылась,
Забилось рядом в унисон

И песня счастьем окрылилась
А счастья нёс ей Купидон

Табуретка

Я вижу сигаретный дым
И ощущаю каждой клеткой
Что я тогда общалась с ним
Когда пришёл за табуреткой

Он у меня не соль просил
Не белую, как снег салфетку
Не спичку, что вдруг погасил
А попросил он табуретку

В глаза взглянула невзначай
И в синеве морей пропала
Меня ты, мама, не ругай
Я в них такое увидала

Там края нет у синевы
Там доброта и свет без края
Вчера всю ночьку соловьи
Свистели душу согревая

Любовь всегда, как сладкий мёд
И боль под утро головная

Ох, если знать бы наперёд
Что у соседа есть другая

Зачем не чай пришёл просить
Зачем не звал гулять в беседку
Мог выключатель заменить
А попросил он табуретку

Два помидора, колбаса
И хлеб нарезан на газетке
Сижу одна уж полчаса
Есть стол, но он без табуретки

Могла отдать ему бы всё
Пилу, от головы таблетку
Пустой блокнот для адресов
А отдала вдруг табуретку

Березки

Штыки от стужи побелели,
Снега мерцали синевой
А я вот помню лишь шинели
И все берёзки до одной

Они стояли, как невесты
Развесив снега бахрому
Их было восемь на разъезде
Как нас, детей в родном дому

Они притихшие стояли,
И молча слушали гармонь
С бойцами вместе на привале
Вдруг ветки опалил огонь

Он бушевал, он рядом злился,
Ни зги вокруг не замечал
В стволах берёзок поселился
И в миг тот яростнее стал

И жутко бедные трещали,
Берёзки сжатые огнём
Вслед за бойцами умирали
Их защищая кров и дом

Огонь летел неуправляем
,Он лез к берёзкам напролом,

Угрюмо думал:– Погуляем,
Мы на разъезде на пустом

Они стояли, как невесты,
Развесив снега бахрому
Их было восемь на разъезде
О них я память берегу

Дунь

На столе лежал Белый Лист бумаги. Лежал себе и лежал и не было в этом нечего особенного только солнце иногда бросало свои жаркие лучи на его белую поверхность, да ветер, долетавший в комнату из приоткрытой форточки касался его легкой прозрачной своей ладонью вот и всё что с ним за весь день происходило. Скучно было Листу. А вы пробовали когда-нибудь лежать в полном одиночестве целые сутки? Днем-то было ещё терпимо, а ночью приходил Страх. Как он выгладил Белый Лист представлял себе смутно всё-таки вокруг было темно и Страх приобретал каждый раз новые очертания. Лишь одно у него всегда было неизменным и запоминающимся. У Страха были длинные, липкие, тёмные руки, которые всё время пытались уничтожить Белый Лист смять его, разорвать, испещрить никому ненужными кружочками и штрихами, но каждый раз рукам этим мешал рассвет. Он появлялся за окном всегда неожиданно, быстро

и так желанно для одинокого Белого Листа, что Страх видя это всегда отступал в сторону и незаметно исчезал за дверью чтобы затем прийти к Белому Листу опять по тёмным дорогам ночи. Так прошёл день, пролетела, неделя, так прошелестел по двору месяц. Лист уже потерял всякую надежду на то, что его заметят одиноко лежащим на столе и он сможет кому-нибудь пригодиться. Но однажды утром на Листе появились стихи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.